

УДК 003  
DOI 10.25205/2307-1737-2021-1-364-382

## «Русский» и «советский» сюжет в творчестве Ёко Тавада

Т. С. Симян

*Ереванский государственный университет  
Ереван, Республика Армения*

### *Аннотация*

Анализируются концепты-означаемые *РУССКОЕ*, *СОВЕТСКОЕ* в творчестве немецко-японской писательницы Ёко Тавада (род. 1960). Под концептами-означаемыми *СОВЕТСКОЕ*, *РУССКОЕ* понимается всё, что связано с русской культурой, литературой и Советским Союзом. Эмпирическим материалом для данного описания стали эссе и роман Тавада «Подозрительные пассажиры твоих ночных поездов» (2009, 2002). На примере данного романа раскрывается отношение молодого поколения к русскому языку в социалистическом лагере в конце 1980-х гг. На примере одежды (джинсы), молодого поколения (воспитанность vs невоспитанность), знания языка (английский vs русский) описывается переходное состояние социалистического блока (Югославия). Путешествие героини по Транссибирской магистрали (Москва – Иркутск – Хабаровск) дало возможность автору раскрыть микросторические реалии последней декады советской эпохи.

Сюжет романа показал, что в последние десятилетия существования советской эпохи уже была «ностальгия» по бытовым товарам, по стилю одежды и музыки и западной поп-культуре (Джимми Хендрикс, Элвис Пресли). В общении с главной героиней раскрывается русская душа (доброжелательность, открытость, гостеприимство) и низкие стандарты экосознания и неуважение к некурящим в общественном транспорте (поезд). Советская эпоха раскрывается также на уровне *запаха* и *еды* (чеснок, дешевые папиросы, лук, черный хлеб, каша, борщ с жирными пятнами, водка и т. д.). По ходу повествования и общения с окружающими людьми раскрывается сибирский «вещный» мир; бедность ин-

© Т. С. Симян, 2021

терьера сибирских деревень советской эпохи. По ходу описания сибирского пространства раскрылись его природно-климатические константы – холод, снег, баня и береза, последнее как символ всей России с ее мифологическим пластом. Атрибутивный цикл сибирского природно-климатического и «вещного» мира завершается темой андрогинности, раскрывшейся в сибирской бане как пространстве для выявления всех видов телесного: женского и мужского в женщине и в мужчине.

*Ключевые слова*

советская эпоха, советское, русское, русское гостеприимство, микроистория

*Для цитирования*

Симян Т. С. «Русский» и «советский» сюжет в творчестве Ёко Тавада // Критика и семиотика. 2021. № 1. С. 364–382. DOI 10.25205/2307-1737-2021-1-364-382

## “Russian” and “Soviet” Plot in the Literary Works of Yoko Tavada

T. S. Simyan

*Yerevan State University*

*Yerevan, Armenia*

*Abstract*

In the article the concepts-signified as “Russian” and “Soviet” expressed in the works of the German-Japanese writer Yoko Tavada (born 1960) are touched upon. The concepts signified as “Soviet” and “Russian” do encompass everything that is connected with Russian culture, literature and the Soviet Union. The empirical material for the given depiction were the essay and novel by Tavada “Suspicious passengers of your night trains” (2002, 2009). Based on the example of this novel the attitude of the younger generation of the socialist countries of late 1980s to the Russian language is revealed. The transition of the socialist bloc (Yugoslavia) is described on the example of clothes (jeans, aluminum fork, and pizza), the younger generation (good manners vs. bad manners), and language skills (English vs. Russian). The heroine’s journey along the Trans-Siberian Railway (Moscow – Irkutsk – Khabarovsk) enabled the author to reveal the micro-historical realities of the last decade of the Soviet era.

The plot of the novel showed that in the last decades of the Soviet era there was already a “nostalgia” for household goods, the style of clothing and music, and Western pop culture (Jimi Hendrix, Elvis Presley). During the contact with the main character, the Russian soul (benevolence, openness, hospitality) and low standards of eco-awareness and disrespect for non-smokers in public transport (train) are revealed.

The Soviet era is also confessed at the level of smell and food (garlic, cheap cigarettes, onions, black bread, porridge, soup butter drips, vodka, etc.). In the course of the narrative and communication with the surrounding people the Siberian “real” world is indicated, i.e. the poverty of the interior of the Siberian villages of the Soviet era. In the course of describing the Siberian expanse its natural and climatic constants such as cold, snow, bathhouse and birch, the latter as a symbol of all of Russia with its mythological stratum, were presented. The attributive cycle of the Siberian natural-climatic and “material” world is completed by the theme of androgyny opened up in the Siberian bathhouse, which is a space for identifying all types of physical things, that is, of female and male in woman and man.

*Keywords*

Soviet era, Soviet, Russian, Russian hospitality, microhistory

*For citation*

Simyan T. S. “Russian” and “Soviet” Plot in the Literary Works of Yoko Tawada. *Critique and Semiotics*, 2021, no. 1, p. 364–382. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2021-1-364-382

Цель данной статьи – контурное описание концептов *РУССКОЕ*, *СОВЕТСКОЕ* в романе немецко-японской писательницы Ёко Тавада «Подозрительные пассажиры твоих ночных поездов» (2002, 2009). Насколько нам известно, указанные концепты не рассматривались на эмпирическом материале творчества Тавада. Выведенные в заглавие статьи концепты-означаемые *СОВЕТСКОЕ*, *РУССКОЕ* указывают на всё русское, что связано с русской культурой, литературой, бытом и (советской) Россией. Поскольку затрагиваемые проблемы в романе Тавада относятся и к советской и постсоветской эпохам, то названные концепты-означаемые указывают на разные эпохи, однако они одновременно являются пересекающимися понятиями – синонимами, но разными временными индикациями.

Ёко Тавада – одна из самых известных ныне живущих представителей литературы Японии и Германии, пишущая на двух языках – японском и немецком. Она родилась в 1960 г. в Токио. В 1980 г. в первый раз по Транссибирской магистрали приехала в Германию. В 1982–2006 гг. проживала в Гамбурге, а ныне живет в Берлине. Она – человек «границы»: в культурном плане она *формально* находится на стыке немецко-японской культуры.

**О знании / незнании русского языка  
и проблемы коммуникации**

«Советский» и «русский» сюжет неспроста появился в творчестве Тавада, поскольку она изучала русскую литературу и литературоведение в Токио и в Гамбурге. Она попыталась изучить русский язык. На это обстоятельство указывает интервью, в котором она говорит, что действительно хотела выучить русский язык и учиться в России до того, как приехала туда. Это было невозможно в советское время, и после Перестройки также не состоялось бы ее литературное развитие, поскольку не было для этого никакого содействия. Тавада, добровольно эмигрировав в 1980-е гг. в Германию, оказалась с культурной точки зрения в благоприятной среде, в «трансграничном культурном ареале» [Семененко, 2003, с. 7], где есть большой интерес к иностранцам, пишущим на немецком языке. Именно из-за этого была выбрана Германия, поскольку в этой стране можно найти конкретную (премия Шамиссо), а также неформальную поддержку. Видно, что «люди здесь интересуются, как пишут иностранцы на немецком» [Tawada, 2009, S. 83]. Из сказанного видно, что и до сих пор не изменилось ее отношение к творческим людям не только в России, но и во всех странах постсоветского пространства, где пока не осуществимо понятие «свободный писатель» (*freie Schriftsteller*), который, нигде не работая, зарабатывает на жизнь гонорарами от проданных книг, стипендиями, премиями.

Японский русист Муцуэто Нумато по поводу точки соприкосновения с русским языком отмечает, что Тавада училась на отделении русской литературы в токийском университете Васэда «не особенно хорошо». Переехав в Германию, она «за несколько лет освоила немецкий, совсем забыв русский... начала писать по-немецки. Если бы она приехала в Россию, она бы стала первым японским писателем, пишущим по-русски. Жаль, что упустили такую возможность» [Нумато, 2002]. Может быть, Тавада и забыла русский язык, но ее творчество богато аллюзиями на русскую культуру и литературу.

Автору данной статьи кажется, что высказывание японского русиста по поводу языковых способностей Тавада не совсем точны и, по всей вероятности, основаны на одной фразе из романа «Подозрительные пассажиры твоих ночных поездов» (Третье путешествие (В Загреб!)), которую проговаривает героиня романа: «на филфаке учишься еле-еле» [Тавада, 2011,

с. 43] <sup>1</sup>. По поводу знания русского языка в ткани всего романа можно найти биографически обоснованные детали о знании Тавада русского языка. В четвертой главе «В Белгород!» нарратор отмечает, что «в те времена изучала русский язык» (с. 55), та же фраза встречается и в четвертом путешествии «В Белград»: «Молодой и приятный мужской голос окликнул тебя со спины. Ты оглянулась. Это был юноша лет двадцати – голубая рубашка застегнута до последней пуговицы. “Вы что-нибудь ищете?” – вежливо спросил он. Причем по-русски. Ты его поняла – ведь в те времена ты учила русский язык» (с. 65). Но информация о несвободном владении русского просачивается в седьмом путешествии «В Хабаровск» в диалоге во сне с русским мужиком. «На своем убогом русском, помогая себе руками, ты поведала ему о падении с ночного поезда» (с. 121).

Эти факты еще раз подчеркивают, что в советскую эпоху русский язык был «латинским» не только для братских народов СССР, но и для всего социалистического лагеря (Загреб, Югославия). Но это не значит, что все говорили по-русски. Например, в той же главе встречаем другого молодого парня, предлагающего героине «на ломанном английском» прогуляться, и в ответ героине, на то, что она ответила на русском, «скорчил рожу» и эксплицитно выразился, что ненавидит этот язык (с. 69). По вербальным и невербальным знакам видно, что этот молодой парень на уровне языка, одежды – американизированный (западный), поскольку жевал жвачку, волосы были набриолинены, рубашка с открытым воротом, в джинсах (с. 69).

В этой главе противопоставлены две модели молодого поколения.

Первая модель – это опрятно одетый, хорошо говорящий, в «голубой рубашке, застегнутой до последней пуговицы» (с. 65), рассказывающий о каждой картине молодежной секции коммунистической партии, выставленной в Доме культуры (с. 66). Детали показывают, что молодой человек получил коммунистическое воспитание, готов помочь, как пионер, в любой ситуации: «Когда мы осмотрели все картины, молодой человек пожелал мне благополучного путешествия и добавил: если будут проблемы, звоните. Написал карандашом номер своего телефона на обрывке какой-то бумаги» (с. 67–68). В романе продукция соцреализма не остается без «комментария»: «Картины тоже как-то не запоминались. Чего не скажешь о лице юноши. Кожа – словно взбитые сливки, губы – словно нарезка из лосося» (с. 67). Незапоминание артефактов советской эпохи можно объяс-

---

<sup>1</sup> Далее ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием страниц.

нить отсутствием в них креативности и оригинальности. На языке теории коммуникации энтропия в этих работах была слишком высокой.

Вторая модель – американизированная (или западная) молодежь – представлена в двух вариантах.

А. *Полуинтегрированный на уровне языка, но американизированный «хулиган» на уровне одежды.* В сюжете общения на английском языке героини с американизированным молодым человеком, когда они алюминиевыми вилками едят пиццу, можно заметить «переходное» состояние Югославии, находящейся между «вещным» миром Запада и соцлагеря: алюминиевая вилка vs пицца, славянское vs итальянское, – и для нарратора «неважно, сочетаются в этом блюде» (с. 70) эти вещи или нет. Нарратор обращает внимание на типичную деталь советской эпохи (алюминиевая вилка), которая чужда в синтагме традиционной итальянской еды и для контекста социалистического лагеря Европы. «Переходность» и на другом примере, когда по-западному одетой в джинсы иностранке был чужд гонконгский боевик в контексте Восточной Европы (Югославии): «Славяне и Гонконг как-то слабо сочетались в моей голове» (с. 70). Эта идея возникает у героини во время просмотра фильма с американизированным хулиганом. Что касается идентичности героини с Западом, то, по сути, мы имеем дело не с гражданином мира с гибридной идентичностью, а с представительницей капиталистического Запада, незнакомой с «переходным состоянием» стран Восточной Европы конца 1980-х гг.

Б. *Интегрированная студентка на уровне языка.* Эта модель представлена на примере студентки с превосходным английским (с. 69), но с чувством неполноценности, что живет в социалистическом блоке, который отстает от западных технологий. Эта мысль проявляется в диалоге студентки и иностранки с Запада: «– Наши приемники и фотоаппараты никуда не годятся, ты нас не уважаешь из-за этого?» (с. 69).

#### **СССР в эпоху перестройки: «вещный» мир и микроисторические детали**

Тавада в романе «Подозрительные пассажиры твоих ночных поездов» шестое и седьмое путешествия посвятила России, она рассказывает о своем путешествии по Транссибирской магистрали от Москвы до Иркутска и дальше, до Хабаровска. И на материале этих двух глав попытаемся реконструировать и увидеть реалии СССР.

*Знаки отставания в «вещном» мире.* В романе «Подозрительные пассажиры твоих ночных поездов» представляется также техническое отста-

вание между Западом и странами социалистического лагеря. Оно показано в сфере бытовой техники не только на примере восточно-европейской Югославии в приведенной выше цитате, но и на примере Советского Союза: «люди на улице просили», чтобы героиня продала наушники, фотоаппарат (с. 96), что с современной перспективы воспринимается как нонсенс.

*Одежда советской эпохи.* Героиня, прогуливаясь «по заснеженным и обледеневшим московским улицам», встречает мужчину лет тридцати в рубашке с открытым воротом в зеленых узорах и джинсах с обтрепанными брючинами (с. 94). Контрастность одежды становится еще красочнее, когда героиня видит подобным образом одетого мужчину на фоне белого снега. Обтрепанные джинсы и рубашка с зелеными узорами говорят не о вкусе мужчины, а о первичной функции – утилитарности – одежды, т. е. защиты тела от холода.

Подобная одежда описана в сюжете о ресторане: «Музыканты, одетые в цветастые клетчатые рубашки и синтетические панталоны, исполняли “Калинку” в стиле поп. Их электрогитары и барабаны сияли...» (с. 96). В конце советской эпохи западные музыкальные жанры стали любимыми «форматами» для советских музыкантов, представляющих народно-национальное («Калинка») на языке западного массового искусства. И, по сути, подобное описание одежды (клетчатые рубашки, синтетические панталоны) является аллюзией на главных фигурантов западной поп- и рок-музыки – Джими Хендрикса (1942–1970) или Элвиса Пресли (1935–1977).

*«Советское»: интерьер, сигареты, почтовые марки.* К знакам «советского» можно причислить плохую вентиляцию и отсутствие регулятора температуры в поездах советской эпохи («Воздух был тяжелым от жары», поскольку «сажа из вагонной печки, которую топили углем», садится на лицо героини (с. 102)).

Другой индикатор советской эпохи – папиросы, сигареты. Советское время не славилось качественным производством табака, а дешевые папиросы были, как отмечает героиня с Запада, вонючие (с. 101). Конечно, Тавада в тексте не указывает конкретные марки, но можно предположить, что это были сигареты «Прима», «Астра», папиросы «Беломорканал»; еще хуже качеством были «Донские», «Прилуцкие», «Охотничьи», «Памир», «Гуцульские» и т. д.

Каждый раз, когда героиня выходила из купе поезда Москва – Иркутск, ее заманивали как гостью-иностранку. Если Саша, один из попутчиков

главной героини, предложил закусить рыбкой и выпить водки, то попутчик Саши в «неопрятной одежде» предлагает посмотреть его коллекцию кубинских, чешских и вьетнамских марок (с. 112). Действительно, в советское время не было других марок из западных стран, что, в свою очередь, говорило о непересекаемости границ для почтовых марок. По сути, коллекция почтовых марок только из стран коммунистического блока является очевидным знаком советской эпохи.

*Русская, русские, еда и русский «дух» в советскую эпоху.* Очень многие согласятся, что советская и сегодняшняя Россия известна своими красивыми женщинами, что и отмечает главная героиня романа Тавада: «Ты вошла в купе ссутулившись. За тобой проследовала сильно нарумяненная русская красавица лет эдак пятидесяти» (с. 99). Детали макияжа (нарумяненность, красные щеки, алые губы (с. 99)) говорят о языке макияжа советской эпохи и о высоком либидо русской женщины, поскольку нарумяненность, красные щеки, алые губы можно считать косвенными сигналами, «оружием» пятидесятилетней женщины, привлекающей внимание мужчин своим «говорящим» внешним видом.

Одно из интересных качеств концепта *РУССКОЕ* можно увидеть в гостеприимстве, в готовности угостить гостя. Главную героиню русский мужчина, Саша, угощает типичной русской закуской к водке. Это были «нарезанный лук на куске черного хлеба» и «сушеные рыбки сантиметром по тридцать длиной, <...> твердые, как резина, но по мере разжевывания во рту распространялся вкус моря» (с. 107). Подобная комбинация еды с водкой была подходящей для подобных климатических условий, но следует подумать еще и о запахе в поезде от подобной комбинации еды, что, по сути, является знаком русского «духа». К русскому «духу» советской эпохи (но и современной России!) героиня добавляет запах «угля», «чеснока» и «советских сигарет» (с. 117). Наличие дыма советских сигарет говорит о том, что пассажиры в поездах курили, и не было специально отведенных мест. Кроме того, не было запретов, что нужно воспринимать как часть советской ментальности, ущемления прав некурящих.

А что касается рациона еды в поезде, то он совсем скудный: «тот же сыр на том же хлебе, в борще – те же пятна жира <...>. Время от времени с возгласами “Чай! Чай!” проводник разносил свой платный чай. Он был чересчур сладким и таким горячим, что приходилось пить, прихлебывая мелкими глоточками» (с. 112). Следует заметить, что продажа чая до сих пор является прерогативой проводников, а сладкий чай – знаком советско-сти, поскольку при чаепитии в советскую эпоху важным компонентом бы-

ло не ощущение аромата чая, а степень его сладости и «горячести». Если рассмотреть с современных позиций техники безопасности, то не разрешается в общественном транспорте (поезда, самолеты) продавать слишком горячие напитки во избежание нежелательных последствий и ожогов. А с точки зрения функциональности чая он в поезде предлагается как приложение к перекусу или к основному принятию пищи. Современная медицина предлагает питье чая не вовремя, а до или после принятия пищи, поскольку жидкость препятствует полноценному функционированию желудочного сока в процессе пищеварения.

В последующем повествовании однообразие еды приобретает дополнительную коннотацию – акцентирует медленное течение времени: «Сколько ни лились слова, скоротать время за разговорами не удавалось. Разбавлять словами время – все равно что поить пустыню водкой» (с. 112). Как видно из цитаты, сибирский ландшафт представляется в романе как пустыня, а водка упоминается как атрибут жителей данного региона.

Русский «дух» в плане быта в Сибири раскрывается благодаря «семиотическому окну» (Ю. М. Лотман), иными словами, приему «сна». Героиня выпадает из поезда и оказывается в быту сибирской деревни и открытого русского мужика: «На дощатом полу валялись два истертых коврика. Скромный некрашеный деревянный стол, стулья, буфет. Никаких электрических приборов. На стене – небольшое зеркало. Печка топилась углем, на плите стояла кастрюля. Из нее поднимался кисло-сладкий пар – будто в ней варились яблоки» (с. 121). Но героиня ошиблась: «На вопрос, что там варится, хозяин вместо ответа налил содержимое в пиалу и поставил перед тобой на стол. В пиале была какая-то желтая каша. Обжигая язык, ты стала хлебать ее деревянной ложкой и почувствовала, как внутри тебя начинает расти горячий ком» (с. 121–122). Один из примечательных знаков сибиряка – его открытость, гостеприимство («вместо ответа угощает гостью», похлопывает по плечу и говорит «нечто вроде “чувствуй себя как дома”» (с. 121, 123)).

Быт сибиряка и еда напомнили героине иллюстрацию эпизода из русской народной сказки «Три медведя» в обработке Л. Н. Толстого: «Ты вспомнила книжку русских сказок с картинками – у трех медведей в этой книжке были точно такие же ложки<sup>2</sup>. Хозяин нацедил из самовара кружку кипятку, бросил заварки, поставил перед тобой огромную сахарницу. Покончив с кашей, ты вздохнула с облегчением и приступила к чаю. Ты

---

<sup>2</sup> Ср. иллюстрацию Юрия Васнецова к сказке «Три медведя».

уже совсем позабыла, как тебе было холодно» (с. 122). Напоминание об иллюстрации к сказке, указывает читателю на условность пространства, на сон, а также на нахождение героини в быту у сибиряка. Но сон героини описывается как сон наяву, с реалистическими деталями. Следует добавить, что упоминание сказки «Три медведя» говорит еще о параллельности героинь: героиня романа Тавада vs Маша. Что касается логики повествования и ремы данного нарратива, то она развивается через ассоциации – деревянная ложка, каша, сказка, – и уже благодаря интертекстуальности со сказкой создается параллельность художественного (условного) пространства.

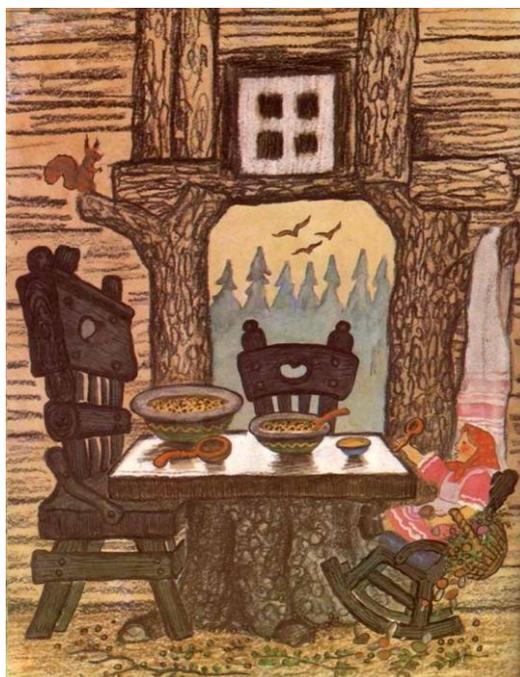


Иллюстрация Юрия Васнецова к сказке «Три медведя»  
(<http://www.artsait.ru/foto.php?art=v/vasnecovU/img/9>)

Illustration by Yuri Vasnetsov for the fairy tale “Three Bears”  
(<http://www.artsait.ru/foto.php?art=v/vasnecovU/img/9>)

Обобщая данный пассаж, можно заключить, что Тавада описывает «советское», «русское» через важные атрибуты национального русского и советского гастрономического рациона – борщ, черный хлеб, сушеная рыбка, каша, сладкий чай и водка.

*Сибирь и ее «константы».* Россия ассоциируется западным обывателем еще и с холодом. Европейцев часто пугают сибирской зимой<sup>3</sup>. Конечно, в тексте Тавада русская (сибирская) зима описывается через ощущения телесного, а не как оружие пропаганды с негативными коннотациями<sup>4</sup>: «Ты поспешила в купе, накинула куртку, выскочила на платформу. Не вздохнуть – будто в носу сорняки разрослись. Уши пощипывает от холода. Ты озиралась и моргала не останавливаясь. Вот это и есть Сибирь? Не земля, а ледяное стекло, края – нет, пальцы – отваливаются, уши – отклеиваются, от холода аж язык втягиваешь да хвост поджимаешь, мчишься обратно в вагон» (с. 103). Холод в Иркутске тоже описывается в данном ключе: «Как только ты вышла на воздух, кожа, будто похрустывая, превратилась в кору. Наверное, когда-нибудь и ты станешь березой» (с. 114). Описанный переход от человека к березе можно посчитать чистой случайностью, основа которой – ассоциативная общность, где человек может замерзнуть и превратиться в березку.

Подобная ассоциация имеет легкий подтекст юмора, но на глубинном уровне можно вывести некоторые культурно-мифологические реалии. По всей вероятности, Тавада намекнула на одно из поверий древних славян: «в ветки березы на Троицу вселяются души умерших родственников». Ср. выражение *в березки собирается* – «так говорили в Калужской области об умирающем» [Чернова, 2013, с. 108], т. е. типологически общность логики Тавада и древнего поверья одинакова: человек замерзает и превращается в березку. В любом случае береза в тексте Тавада связывается с миром мертвых, но с одной разницей: если у нее замерзший, умерший превращается в березку, то, по древнему поверью, душа погибшего вселяется в ветку березы, и происходит «переселение» души из мира мертвых в нечто живое, в могильную березку.

---

<sup>3</sup> См. об ассоциациях и стереотипах о Сибири: Стереотипы о Сибири. 2011. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=T6Ev8Q4iesY>.

<sup>4</sup> См. статьи [Терских, Маленова, 2015; Рябов, 2012; Новикова, 2012; Остбо, 2012; Коля, 2012; Беньш, 2012; де Лазари, 2012].

Именно поэтому существовало древнее поверье, что на кладбище нужно сажать березу – могильная береза<sup>5</sup>, а на основе этого поверья сохранился в русском языке иронический фразеологизм-эвфемизм «любить до самой березки», т. е. любить до смерти. А натуралистическим синонимом данной фразы можно считать другую фразу «любить до гробовой доски». Как видно из вышеописанного, нарратор романа, сравнив человека с березой, выделил еще одну константу Сибири – березу – с мифологическим пластом.

Если рассмотреть березу шире, то она является символом России<sup>6</sup>. Эту мысль можно проиллюстрировать на примере стихотворений:

а) «На поляне, на пригорке // Под окном, среди полей // Белокрылая березка // Символ родины моей» (Александр Прокофьев. «Береза»);

б) «Белоснежным символом России // Вдоль дорог стоят ряды берез» (Генрих Ужegov. Белоснежным символом России...);

в) «Без березы не мыслю России, – // Так светла по-славянски она» (Олег Шестинский. Без березы не мыслю России...)<sup>7</sup>.

Береза как символ России (локально Сибири) прошла через литературное означивание. Как было замечено З. Аглеевой, она прошла следующий путь символизации: «береза – девушка – русская природа – Россия» [2008, с. 12]. Для становления приведенной цепочки важную роль сыграли стихотворения Есенина, Горького, Бальмонта, Заболоцкого)<sup>8</sup>.

Тематическая линия «Сибирь – береза» не стала бы завершенной, если бы не всплыла в творчестве Тавада тема русской бани (сауна)<sup>9</sup>. Интересно в этом плане название эссе Тавада «U.S. + S.R. Eine Sauna in Fernost-

<sup>5</sup> См. об этом подробнее: [Чернова, 2013; Трафименкова, 2018; Ващенко, 2013].

<sup>6</sup> Следует заметить, что береза семантически и функционально нагружена: как материал, медиум для передачи информации – береста как заменитель бумаги в Великом Новгороде; береста как спички; береза как дрова; березовые веники как символ русской бани; как источник утоления жажды ее сок; листья, ветки, почки в петровскую эпоху использовали, когда красили мундиры, а деготь – как основу моющих и лечебных средств (мыло, крема и т. д.).

<sup>7</sup> См.: Стихи о березе – русском символе. URL: [http://russkg.ru/index.php?option=com\\_content&view=article&id=3891:2012-12-03-19-45-37&catid=40:2010-09-25-11-44-57&Itemid=37](http://russkg.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=3891:2012-12-03-19-45-37&catid=40:2010-09-25-11-44-57&Itemid=37)

<sup>8</sup> См. об этом подробнее: [Ващенко, 2013; Трафименкова, 2018, с. 113–114].

<sup>9</sup> О давних традициях русской бани и ее функциональных особенностях см. [Мышко, 2009; Бобунова, 2008].

еигора», посвященное ее путешествию от Вакканая на Сахалин<sup>10</sup>, профинансированное в рамках проекта фонда Роберта Боша «Grenzgänger – Rechechen in Mittel- und Osteuropa»<sup>11</sup> [Tawada, 2007, 156]. Очень интересна раскодировка названия самого эссе.

«U.S. + S.R.» можно прочитать как:

а) USSR (Union of Soviet Socialist Republics), как бывшую страну-сауну;  
 б) U.S. (= США) + S.R. как индикатор советскости, социалистических стран (Socialist Republics), если прочитать по-немецки, то как аббревиатуру «Sowjetische Russland». Если «Советскую сауну» прочитать в политическом контексте, то сауну можно рассматривать как знак политической несвободы, как «душегубку» (запарка душ, «избиение» политическим венником) сталинской эпохи. Таким образом, можно заключить, что сауна (баня) становится не только русским атрибутом, но и атрибутом Советского Союза с негативной коннотацией.

Одной из географических констант России является также ее *необъятность*. У Тавада эта константа распространяется на более конкретное пространство – «бескрайность Сибири» (с. 106), с его неотделимыми атрибутами – снег и береза (с. 112), а в психологическом плане эта бескрайность навеивает тоску, о которой говорят герои романа – и Кэн, и Мери (с. 113).

В глазах героини видится не только «бескрайная Сибирь», но индустриальная Сибирь советской эпохи: «Иногда ты видела завод с дымящимися трубами. Черный от угольной копоти снег, дома рабочих. Вдруг ты заметила девочку в красном свитере, которая бежала по черному от копоти снегу. И ты вспомнила про белоснежный лотос, растущий из ила и грязи» (с. 114). Наличие копоти на снегу является знаком несоблюдения норм и высокого выброса вредных веществ и отходов в атмосферу в советскую эпоху, на что не особо обращалось внимание. Наличие угольной копоти у домов рабочих, указывает на низкое экосознание советской «верхушки» и присутствие людей в зоне риска химических выбросов, вредных для здоровья. Приведенный пассаж ценен с точки зрения не только экосознания, но и эстетики, контрастности японского мировосприятия: «копоть на снегу» vs «белоснежный лотос, растущий из ила и грязи».

<sup>10</sup> Следует заметить, что отдельной темой исследования может стать дискурс сибирско-сахалинского пространства в рецепции Чехова и Тавада. О чеховском восприятии см. подробнее: [Шишпаренек, 2010а; 2010б; Анисимов, 2011].

<sup>11</sup> «Путешественник границы – поиски в средней и восточной Европе» [Tawada, 2007, S. 156].

Из сибирских городов в визуальное поле героини попадает также город Иркутск, в котором, к удивлению героини, много людей «с желтыми и красными лицами» (с. 114), что указывает на полиэтничность города.

Благодаря «приему» сна героиня падает из поезда Иркутск – Хабаровск и оказывается на сибирском поле, а затем в сибирском быту (с. 118–128). Интересно, что проблема андрогинности раскрывается в русской (сибирской) бане.

**Проявление андрогинности в русской (сибирской) бане:  
синтез «мужского» и «женского»**

В романе Тавада «Подозрительные пассажиры твоих ночных поездов» описывается андрогинность одновременно и в женщине, и в мужчине. Героине в поезде Иркутск – Хабаровск во сне раскрывается андрогинность (русского) мужика: «За щетиной скрывается белая и нежная кожа» интеллигентной городской женщины «лет сорока с небольшим. <...> Единственное, что объединяло ее с мужчиной, – ощущение некоторого одиночества» (с. 123).

Андрогинность раскрывается не только в русском мужике, но и в героине. Раздевшись, она обнаруживает, что стала гермафродитом, одновременно с женским и мужским лицом и гениталиями. А в момент эротического вождления героиня слышит два противоположных голоса: «не делай этого, нельзя, нельзя переступить этой черты, нельзя, стыдно, прекрати, возврата не будет, только раз сделаешь так – будет поздно, немедленно прекрати! Но другой голос очаровывал, притуплял волю, шептал другое: пусть будет так, пусть будет так, отдайся своему телу, не сопротивляйся, плыви по течению, отдайся потоку, плыви туда, куда тебя несет, твоя воля никому не нужна, доверься минуте, сделай так, не противься...» (с. 127–128). По сути, мы слышим два голоса: голос цензора, который пытается заглушить в человеке биологическую энергию – либидо, а второй – это голос природы. Таким образом, можно подытожить, что Тавада в контексте мифологизированного сибирского пространства и русской бани – в свободном пространстве для тела – художественно описывает андрогинность человека.

Можно заключить, что Тавада обратила внимание на отношение молодого поколения к русскому языку в социалистическом лагере. На примере одежды (джинсы), молодого поколения (воспитанность vs невоспитанность), знания языка (английский vs русский) описывается переходное состояние социалистического блока (Югославия) в 1980-е гг. Путешествие

героини по Транссибирской магистрали (Москва – Иркутск – Хабаровск) как «прием» предоставило Тавада возможность раскрытия микроисторических реалий последней декады советской эпохи.

Сюжеты романа показывают, что в последние десятилетия существования советской эпохи уже была «ностальгия» по бытовым товарам, по стилю одежды и музыки и западной поп-культуре (Джимми Хендрикс, Элвис Пресли). В общении с иностранкой с Запада раскрывается русская душа (доброжелательность, открытость, гостеприимность) и низкие стандарты экосознания, неуважение к некурящим в общественном транспорте (поезд). Советская эпоха раскрывается также на уровне *запаха* и *еды* (чеснок, дешевые сигареты, лук, черный хлеб, каша, борщ с жирными пятнами, водка и т. д.). По ходу повествования и общения с окружающими людьми раскрывается сибирский «вещный» мир; бедность интерьера сибирских деревень советской эпохи. Кроме того, в художественном пространстве указываются сибирские природно-климатические константы – холод, описанный не как клише, а через соматические ощущения. Наряду с холодом упоминаются также снег и береза, последнее как символ всей России с ее мифологическим пластом. Атрибутивный цикл сибирского природно-климатического и «вещного» мира завершается темой андрогинности, раскрывшейся в сибирской бане как пространстве для выявления всех видов телесного. Холод, снег, береза, чай, русская баня – это константы не только советской эпохи, но и современной сибирской жизни, но не стоит забывать, что Сибирь – это не пространство беспросветной зимы, но и жаркого, правда, короткого, лета (столбик термометра поднимается до +40 °С).

### Список литературы

Аглеева З. От концепта-образа к концепту-символу: этапы развития и становления концепта *береза* // Вестник Пятигорск. гос. лингв. ун-та. 2008. № 3. С. 11–14.

Анисимов К. Сибирско-сахалинский травелог А. П. Чехова в истории художественного «воображения» Зауралья: между природой и обществом // Чехов и время. Томск, 2011. С. 246–260.

Беняш М. Не дразнить медведя! Образ России в шведских СМИ (Эскиз проблемы) // «Русский медведь»: История, семиотика, политика. М., 2012. С. 243–250.

Бобунова М. Баня парит, баня правит (Лексикографический «портрет» слова *баня* в русском фольклоре) // Лингвофольклористика. 2008. № 14. С. 14–19.

Ващенко М. Образы березы и дуба в российской словесности (От фольклора к литературе) // Вестник НГОУ. 2013. № 1. С. 1–8.

Коля А. Россия-медведь в современной чешской и словацкой публицистике // «Русский медведь»: История, семиотика, политика. М., 2012. С. 225–242.

Лазари А. де. Почему Европа боится «русского медведя»? // «Русский медведь»: История, семиотика, политика. М., 2012. С. 274–282.

Мышко Т. В баню за здоровьем // Энергия: экономика, техника, экология. 2009. № 3. С. 74–79.

Новикова И. В тени рейгановского зверя: «расхристанный» медведь и «чужой» медвежонок в латвийском медиапространстве 1990–2000-х годов // «Русский медведь»: История, семиотика, политика. М., 2012. С. 190–207.

Нумато М. Граница японской литературы и ее сдвиги в мировом контексте // Иностранная литература. 2002. № 8. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2002/8/numat.html>

Остбо Я. Русский медведь проснулся! Что делать? «Русский медведь» как аргумент в норвежской прессе 1998–2008 годов // «Русский медведь»: История, семиотика, политика. М., 2012. С. 208–224.

Рябов О. «В лесу есть медведь»: медвежья метафора как оружие холодной войны // «Русский медведь»: История, семиотика, политика. М., 2012. С. 175–189.

Семененко И. Глобализация и социокультурная динамика: личность, общество, культура // Полис. Политические исследования. 2003. № 1. С. 5–23.

Тавада Ё. Подозрительные пассажиры твоих ночных поездов. СПб., 2011.

Терских М., Маленова Е. Концепт «SIBERIA» в сознании представителей американской лингвокультуры // Вестник Тамбов. гос. ун-та. 2015. № 3. С. 39–49.

Трафименкова Т. О национально-культурном основании дендронима «Береза» в фольклорном и авторском тексте // Вторые Щеулинские чтения: Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Василия Васильевича Щеулина. Липецк, 2018. С. 111–115.

Чернова А. Береза в литературно-фольклорной традиции // Русская речь. 2013. № 4. С. 108–112.

Шишпаренек Е. Экзистенциальная модель восприятия А. П. Чеховым сибирско-сахалинского пространства как результат взаимодействия с сибирским мифом // Вестник Бурят. гос. ун-та. 2010а. № 10. С. 182–186.

Шишпаренек Е. Творчество А. П. Чехова в контексте сибирского мифа: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2010б. С. 1–18.

Tawada Y. Sprachpolizei und Spielpolyglotte. Tübingen, 2007.

Tawada Y. Fremd sein ist eine Kunst // Migrationsliteratur – Eine neue deutsche Literatur? (V.i.S.d.P. Olga Drossou, MID-Redaktion, Heinrich-Böll-Stiftung). März, 2009, S. 81–85. URL: <https://heimatkunde.boell.de/2009/03/18/editorial-dossier-migrationsliteratur-eine-neue-deutsche-literatur>

### References

Agleeva Z. Ot kontsepta-obraza k kontseptu-simvolu: etapy razvitiya stanovleniya kontsepta bereza. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2008, no. 3, p. 11–14. (in Russ.)

Anisimov K. Sibirsko-sakhalinskij travelog A. P. Chehova v istorii khudozhestvennogo “voobrazhenia” Zauralya: mezhdru prirodoj i obshchestvom. In: Chekhov i vremya. Tomsk, 2011, p. 246–260. (in Russ.)

Benyash M. Ne draznit’ medvedya! Obraz Rossii v shvedskikh SMI (Eskiz problemy). In: “Russkij medved”: Istorija, semiotika, politika. Moscow, 2012, p. 243–250. (in Russ.)

Bobunova M. Banya parit, banya pravit (Leksikograficheskij “portret” slova *banya* v russkom fol’klore). *Lingvofol’kloristika*, Kursk, 2008, no. 14, p. 14–19. (in Russ.)

Chernova A. Bereza v literaturno-fol’klornoj traditsii. *Russkaya rech*, 2013, no. 4, p. 108–112. (in Russ.)

Kolya A. Rossia-medved’ v sovremennoj cheshskoj i slovatskoj publitsistike. In: “Russkij medved”: Istorija, semiotika, politika. Moscow, 2012, p. 225–242. (in Russ.)

Lazari A. de. Pochemu Evropa boitsya “russkogo medvedya”. In: “Russkij medved”: Istorija, semiotika, politika. Moscow, 2012. (in Russ.)

Myshko T. V banyu za zdorov’em. *Energia: ekonomika, tekhnika, ekologija*, 2009, no. 3, p. 74–78. (in Russ.)

Novikova I. V teni rejganovskogo zverya: “raskhristannyj” medved’ i “chuzhoj” medvezhonok v latvijskom mediaprostranstve 1990–2000-kh godov. In: “Russkij medved”: Istorija, semiotika, politika. Moscow, 2012, p. 190–207. (in Russ.)

Numato M. Granitsa yaponskoj literatury i ee sdvigi v mirovom kontekste. *Inostrannaya literatura*, 2002, no. 8. (in Russ.) URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2002/8/numat.html>

Ostbo Ya. Russkij medved' prosnulsya! Chto delat'? "Russkij medved'" kak argument v norvezhskoj presse 1998–2008 godov. In: "Russkij medved'": Istorija, semiotika, politika. Moscow, 2012, p. 208–224. (in Russ.)

Ryabov O. "V lesu est' medved'": medvezhia metafora kak oruzhie kholodnoj vojny. In: "Russkij medved'": Istorija, semiotika, politika. Moscow, 2012, p. 175–189. (in Russ.)

Semenenko I. Globalizatsia i sotsiokul'turnaya dinamika: lichnost', obshchestvo, kul'tura. *Polis. Politicheskie issledovania*, 2003, no. 1, p. 5–23. (in Russ.)

Shishparenek E. Ekzistentsial'naya model' vospriyatiya A. P. Chekhovym sibirsko-sakhalinskogo prostranstva kak rezul'tat vzaimodejstviya s sibirskim mifom. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, no. 10, p. 182–186. (in Russ.)

Shishparenek E. Tvorchestvo A. P. Chekhova v kontekste sibirskogo mifa. Avtoref. diss. ... cand. filol. nauk. Krasnoyarsk, 2010, p. 1–18. (in Russ.)

Tavada Ё. Podozritel'nye passazhiry tvoikh nochnykh poezdov. St. Petersburg, 2011. (in Russ.)

Tawada Y. Fremd sein ist eine Kunst // Migrationsliteratur – Eine neue deutsche Literatur? (V.i.S.d.P. Olga Drossou, MID-Redaktion, Heinrich-Böll-Stiftung). März, 2009, S. 81–85. URL: <https://heimatkunde.boell.de/2009/03/18/editorial-dossier-migrationsliteratur-eine-neue-deutsche-literatur>

Tawada Y. Sprachpolizei und Spielpolyglotte. Tübingen, 2007.

Terskikh M., Malenova E. Kontsept "SIBERIA" v soznanii predstavitelej amerikanskoj lingvokul'tury. *Vestnik Tambov State University*, 2015, no. 3, p. 39–49. (in Russ.)

Trafimenkova T. O natsional'no-kul'turnom osnovanii dendronima "Bereza" v fol'klornom i avtorskom tekste. In: Vtorye Shcheulinskie Chteniya. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferentsii, posvyashchennoj 90-letiyu so dnya rozhdenia doktora filologicheskikh nauk, professora Vasilia Vasilievicha Shcheulina. Lipetsk, 2018, p. 111–115. (in Russ.)

Vashchenko M. Obrazy berezy i duba v rossijskoj slovesnosti (Ot fol'klora k literature). *Vestnik NGOU*, 2013, no. 1, p. 1–8. (in Russ.)

**Сведения об авторе**

*Симян Тигран Сергисович*, доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы Ереванского государственного университета (Ереван, Армения)

[tsimyan@ysu.am](mailto:tsimyan@ysu.am)

ORCID 0000-0001-9534-3505

**Information about the Author**

*Tigran S. Simyan*, Doctor of Philology, Professor of the Department of Foreign Literature, Yerevan State University (Yerevan, Armenia)

[tsimyan@ysu.am](mailto:tsimyan@ysu.am)

ORCID 0000-0001-9534-3505